

Летящая икона – семантика и функции одной легенды

Екатерина Анастасова

In the article is analyzed the story of the “flying” icons from the Nessebar church of “The Assumption of the Holy Virgin”. These legends describe the miracles made by the icon of the Holy Virgin – the Black (Mad) Mary. The miracles comprise its “flying” to the Greek community in Nessebar in the times of the Ottoman domination and its role in diverse historical trials. The legends of the “flying” icon of Nessebar appear as metaphorical readings of the intensive identification processes that have involved individuals and communities in transitional historical periods.

Сюжет о летящих иконах распространен во всем православном ареале (он известен на Балканах, в Европе и в Азии). Как в Болгарии, так и в других православных странах балканского региона (Македонии, Румынии, Сербии, Греции), он зарегистрирован в монастырском и храмовом контексте (Вълчинова, в печати)¹. Летящие иконы в Болгарии, как правило, связаны с греческой ортодоксией и с населением с греческим этническим самосознанием. Летящие иконы и рассказываемые о них мифы и легенды распространены среди православного населения на болгарском Черноморском побережье и связаны с иконами Св. Богородицы и ее храмами (Колева 2006, 167 – 174).

Летящие иконы были исследованы многократно и в различных перспективах – строго искусствоведческой, в связи с опытами исторической реконструкции, а также при исследовании культовых объектов с важными социальными функциями.

Здесь будут рассмотрены легенды о летящей иконе из несебырской² церкви “Успение Св. Богородицы”, рассказывающие о ее появлении, чудотворных проявлениях и ее роли в кризисных для общества ситуациях, в перспективе *метафорической передачи* важных общественных событий. Этот “перевод” пересоздает идеи и послания с глубокими семантическими и семиотическими коннотациями, связанными с историей Балкан.

Черная/Сумасшедшая³ Богородица и греческое

Анализ основывается на двух вариантах легенды о летящей иконе в Несебыре, которые приводятся дословно:

¹ Вариант текста опубликован ранее (Анастасова 2006: 157–164).

² Несебыр (Несебър), город на Южном побережье Черного моря.

³ По болгарски – “лудата”.

И. “Черная Богородица” чудотворная икона. Здесь (на месте храма Успения Св. Богородицы) в прошлом находились площадь и дерево. Однажды, играя на площади, дети, школьники увидели одну икону, которая “сидела” на дереве. Тогда они позвали церковных владык, и они собрались и узнали икону. Она принадлежала недавно умершей женщине, которую при жизни называли “Каламбурка” (потому что она была очень сутулой). Она была монахиней, приехавшей из Греции. После ее смерти вещи ее хранились в сундуке, который находился в церкви Св. Георгия. Заглянули в сундук – иконы нет. Икону положили обратно в сундук, но каждое утро она снова “сидела” на дереве.

И так три дня. А все три ночи одной женщине снился сон, в котором появлялась женщина и говорила: “Постройте мне отдельную церковь. Можно и самый маленький скит, но я не хочу больше находиться среди мужчин.”

Рассказала женщина свой сон, и началась постройка церкви. Мучаются построить фундамент, но ничего не получается. Наконец дерево высохло, выкорчевали его и нашли в корнях горшок с золотыми монетами. Эти деньги использовали, чтобы построить церковь. В этой церкви лечат больных психическими заболеваниями.

Турки хотели заставить людей из Несебыра принять ислам. Они им дали три дня, чтобы они сдались без кровопролития. Но конь паши заболел – сошел с ума. Он обошел три раза храм, и икона его вылечила. Тогда паша дал “тапию” (бумагу, документ), чтобы не потуречивали Несебыр. В знак благодарности он отправил в Несебыр золото и серебро, которые были украдены в 1980 г. Теперешний оклад иконы новый, восстановленный.

Икону называют и “черная икона”, потому что иконы носили с собой солдаты в сражении. И их матери будут с черными косынками поэтому. Так делали в Греции, в Византии.

Это настоящая история “Сумасшедшей Марии”, а не та, которую рассказывают в музее, что икона подарок от царя Ивана Асена в знак его победы над греками.

Самое главное, что икона живая.”⁴

Второй текст записан от одной представительницы старинного греческого рода в городе и представляет собой более развернутое описание:

II. “Наша чудотворная икона прилетела к нам из греческого города Мегара и села на дерево. Около него играли дети. Владыка жил в Несебыре и поэтому в городе всегда были песнопения, молитвы, херувимы. Он приказал снять икону с дерева.

В Несебыре была церковь Св. Георгия (она уже потонула), и в нее с почестями внесли икону.

И тогда одной старой верующей женщине приснилась Св. Богородица.

“Я прилетела из Мегары, хочу маленькую отдельную церквушку, чтобы не быть мне вместе с мужчинами”.

И так и сделали. Икона очень чудотворная, очень нас охраняет. Когда у нас мука, очень помогает.

⁴ Х. Х., ключница, около 60 лет, родом не из Несебыра. Зап. Е. Анастасова (далее Е. А.), 7. 12. 2004 г., г. Несебыр.

Сорок лет строили церковь. Люди, дети, все переносили песок. Присылали деньги и греческие торговцы из Румынии.

Не было психиатров – больные сорок дней и сорок ночей спали в церкви и выздоравливали.

Когда турки хотели поджечь Несебыр (Поморие⁵ двадцать раз горело), сошел с ума конь турка. Прослышали про Дели Марию (“дели” – “сумасшедшая” по турецки). Турок сказал – если выздоровеет конь с помощью вашей Марии, не буду поджигать город.

Конь три раза обошел церковь и выздоровел. Поэтому два раза приходили в город турки, но оба раза не было пожара.

В церкви пели греческие священники. Потом пришли болгары. Поморие сдалось. А мой свекр говорил с янычарами, сказал, что надо отдать церкви болгарам. Предложил в церкви Св. Стефана три месяца служить на греческом, три – на болгарском. А в церкви Св. Богородицы – служить на болгарском. И так греки привыкнул к богослужению на болгарском.

Богородица очень нам помогала.”⁶

Оба текста почти идентичны и дополняют друг друга. Основные топосы легенды:

Икона “садится” на дерево.

Она прилетает из Мегары, Греции или привезена гречанкой-монахиней.

Икона приказывает (посредством сна) построить для нее храм, так как она “не хочет быть среди мужчин”.

Икона лечит психические заболевания.

В кризисные для общества и его культуры (религии) периоды икона чудесным образом спасает город и его жителей.

Сюжетообразующие элементы в текстах имеют ряд типологических сходств с известными рассказами о различных чудотворных иконах и едва ли нуждаются в подробных комментариях. Аналогии связаны как с явлением иконы и с ее функциями, так и с событиями и реалиями, предшествующими и сопутствующими ее появлению. Как правило, чудотворные иконы *возникают чудесным образом* (прилетают, приплывают, появляются неожиданно, рисуют себя сами и пр.) и их основная функция, как следует из самого термина “чудотворная”, *творение чудес*. Представление об иконе как о живом существе (инкарнации святого), которое одевается, ест, пьет и пр., присутствует в ряде традиций (Георгиева 2003; Вълчинова, в печати). Сюжет о прилетевшей и севшей на дерево иконе, которая не спускается с него, пока для нее не будет построен храм, известен и в других христианских культурах⁷. Единство Божьей матери и Божьей церкви является основополагающим для христианской культуры: сама Богородица в византийской традиции символизирует храм Божий – церковь (Лидов 1989: 69 и цит. лит.). Роль дерева (которое в первом варианте скрывает в своих корнях средства для построения церкви) в церковной традиции тоже известна. Его дохристианская символика “мирового дерева” и функ-

⁵ Близкий к Несебыру черноморский город, тоже населенный этническими греками.

⁶ Кассандра Янулова, 82 года. Зап. Е. А., 7. 12. 2004 г., г. Несебыр.

⁷ Рассматриваемый нами сюжет соотносится с историей Купятицкой Богородицы, чья икона чудесным образом прилетела в село Купятич, Минской губернии в 1182 г. (сегодня эта икона находится в Киевском Софийском соборе). – ППБЭС 2: 1501–1502.

ции медиатора между человеческим и божественным, была тоже многократно и в деталях прокомментирована (см., напр. Иванов, Топоров 1974). Определенно интереснее роль дерева при лечении психических заболеваний в традиционной культуре, присутствующая и в рассматриваемых здесь сюжетах (см. ниже)⁸. Вне всякого сомнения, чудесный сон передает божественную волю, проявляясь в одной из своих основных функций посредника между человеческим и священным⁹.

В конкретном несебырском контексте гораздо любопытнее *траектория*, которую очерчивает икона, и *исторические периоды*, в которые она творит памятные для общества чудеса. Известно, что с периода Великой эллинской колонизации¹⁰ и до сегодняшнего дня в старинных городах болгарского Черноморья часть населения сохраняет греческую этническую идентичность. Один из древних греческих городов – Несебыр (Месамбрия, Месемврия). Согласно легенде, икона *прилетает из греческого города Мегара*¹¹.

Мегара – метрополия дорийцев, которые основали древний город Месамбрию¹² в VI в. до н.э. (Михайлов 1972: 27). Чудесный полет иконы из бывшей древней метрополии к греческой общине в Месемврии (город является важным религиозным, культурным и экономическим центром) в период Османской империи симптоматичен¹³. Он внушает этническую и религиозную преемственность, связывающую диаспору с метрополией, континуитет, который чудесным образом проявляется в кризисные для общества исторические моменты. Очевидно, именно *мифологема греческого* (греческая этничность, религия, культура), ведущая свое начало со времен античности и сохранившаяся в период Османского владычества (когда христиан называли общим рум-миллет, а греческая культура пользовалась престижным статусом), нашедшая компромисс с Болгарским национальным государством, содержит в себе основное послание текста о “летающей иконе”. “Древние этнические корни” и связь с “греческой родиной” оказываются спасительными для несембрийских греков – как в Османский период, так и при переходе от мультиэтнической империи к национальной Болгарии, сопровождавшимся переходом от Греческой к Болгарской православной церкви. “Полет” иконы и ее чудеса в интерпретации общности рассказывают “аутентичную” историю, в которой икона воплощает *этнические и религиозные корни и идентичность*, метафорически восходящие к “прародине”, к метрополии мигрировавших в древности греков. Таким образом, сюжет

⁸ В традиционной культуре одна из практик для лечения психических заболеваний с помощью силы святых содержится в привязывании больного к дереву (посвященному определенному святому – Св. Феропонту, Св. Андону и пр.) – подробнее см. Вълчинова 2005.

⁹ О снах как посредниках между человеческим и божественным существует огромная литература. В последние годы на болгарском материале см. напр. Анастасова 1998; Баева 2001, Георгиева 2002 и цит. лит.

¹⁰ Великая эллинская колонизация – переселение и движение эллинов из городов-государств (полисов-метрополий) к другим землям, где они основывают свои поселения. За два века (конец VII–VI в. до н.э.) на территории современной Болгарии были созданы культурные центры Аполлония (нынешний Созополь), Одессос (Варна), Диониссополис (Балчик), Анхиало (Поморие) и пр.

¹¹ На роль Мегары в истории Несебыра мое внимание обратила проф. Иваницка Георгиева, которой я хочу выразить благодарность.

¹² Греческое имя города Месемврия изменено постановлением Совета министров Болгарии в 1934 г., когда был переименован и ряд других городов – Анхиало становится Поморие, Василико – Царево и пр.

¹³ В варианте с греческой монахиней, очевидно, речь идет о том же – о связях иконы с греческим.

описывает драматические для общности моменты, связанные с ее самоопределением в переходные (маргинальные) исторические периоды, отмечающие болезненное переопределение идентичности, требуемое историческими обстоятельствами¹⁴.

Механизм, создающий легенду, следует классическим конструкциям моделирования национализма, так называемым “выдуманным традициям” (invented traditions) (Хобсбом 1996). Связь национальной культуры с наиболее древними “корнями” присуща современным национальным историческим парадигмам, конструирующим национальные общности и, соответственно, национальную идентичность. В случае, подчеркиванием преемственности между древней греческой метрополией и современным Несебром описываются доминанты современного греческого национализма, который зиждется на двух фундаментальных столпах – Древней Элладе и христианской Византии.

Но кроме “национального послания” икона несет в себе и успешные идентификационные стратегии – средства, с помощью которых “свое” (греческую православную идентичность) можно отстаивать в условиях кризиса. Вместо мученичества, благодаря ее присутствию, в ситуациях серьезного посягательства на их идентичность, культуру и традиции, жители Несебры проявляют *мудрость и избегают насилия, кровопролития, пожара* – т.е., *страдания* (символично выраженного в черноте иконы, связанной с жертвами конфликтов и вдовствующими и осиротевшими женщинами, с черными траурными косынками). Другими словами, благодаря иконе и защите Св. Богородицы греки успевают относительно безболезненно переформулировать свою идентичность в новых условиях.

На первый взгляд, в этом контексте чудотворная лечебная сила иконы, направленная на исцеление сумасшествия (насилия, агрессии, т.е. *безумия*), могла бы рассматриваться как метафора *миротворчества, благодарности, дипломатии, противопоставленных столкновению*. Мотив исцеления мусульманина (в данном случае – его коня) и чудесного спасения от исламизации (часто сопутствованное уважением и принятием христианства “друговерцем”) известен и в сюжетах о других летающих иконах, а в балканских вариантах присутствуют как *loci communes*. Его толкование рассматривалось в различных контекстах (от метафоры конкретных миграционных движений и религиозных потрясений до специфической “педагогики вероотступничества” – Вълчинова, в печати). Здесь, скорее, легенда о летающей иконе является метафорой *культурного диалога и успешных идентификационных стратегий* в сложном балканском историческом контексте. Оба кризиса – при исламском нашествии и при наступлении болгарского национального государства (болгарской национальной идентичности и автокефальной Болгарской православной церкви) – разрешаются различным образом. Ислам уступает силе христианского чуда, греческое и болгарское православие находят компромиссное решение. Но пафос обоих чудес одинаков: не существует большей культурной ценности, чем *мир, мудрость и созидание*. Метафорический перевод послания воплощен в образе Богородицы, среди эпитетов которой Мудрость и Созидание занимают особое место. Здесь можно поискать и интерпретацию любопытной просьбы Богородицы,

¹⁴ Переход к национальному Болгарскому государству не проходит для этнических греков безболезненно. Известны переселенческие договоры и напряженность, связанные с ними, как и антигреческие акции, одной из которых является поджог города Поморие в 1906 г. Подробнее см. Вълчинова 1998: 209.

связанной с оппозицией мужское/женское “не быть среди мужчин”. Мужчины являются традиционными носителями воинского начала (святые-воины) и мученической смерти в сражении и, очевидно, здесь они противопоставлены миролюбивому и созидательному женскому началу¹⁵.

“Историческая версия”, связывающая икону¹⁶ с Иваном Асенем и его победой над “греками”¹⁷, противопоставляется космоизирующему характеру “миролюбивого” послания, и не случайно выглядит неубедительно для самой информантки (вариант I). Она лишена очарования чуда и содержит другой пафос (ограниченный исторической конкретикой), вписывающийся в болгарскую национальную парадигму.

Но, вопреки своей очевидности, “диалогическая” интерпретация кажется несколько схематической и неудовлетворительной, лишенной глубины.

Безумие и переходы

Концепт *сумасшествия* в традиционной культуре (как и в современной, à propos) связывается с проблемой *идентичности*. “Сумасшествие” означает отклонения или отсутствие *адекватного самоопределения*¹⁸. Как правило, носителями подобного состояния являются индивидуумы, которые не прошли успешно и последовательно по ступеням традиционной социальной иерархии, связанной с жизненным циклом и сопровождающими его обрядами (нормированное рождение, брак и смерть), или находятся в маргинальной стадии одного или другого социального перехода¹⁹ (старые девы/бобыли; матери, которые не заботятся о своих детях или бросают их и пр.). Успешное исцеление безумного предполагает его приобщение к “адекватному” в традиционных представлениях (для соответствующего возраста и пола) социальному статусу и поведению (супруги/супруга, матери). Лечение осуществляется при посредничестве святых и различных лечебных практик²⁰.

Несмотря на отсутствие конкретного материала, есть все основания предполагать, что случаи сумасшествия, которые за 40 дней лечила “летящая икона” в Несебыре, чем-то отличались от традиционных. Отсюда можно вывести более глубокую интерпретацию “сумасшествия” (рассматриваемого как насилие, агрессия, грубое проведение в жизнь “нового” – государственности, религии и пр.), ведущему к кризису идентичности социальных групп (общностей) в *историческом контексте*.

¹⁵ В этом контексте важно, что цитируется затонувшая церковь Св. Георгия. Как известно, Св. Георгий – святой-воин, покровитель военных и армии. Любопытно, что его храм исчезает из Несебыра.

¹⁶ По мнению специалистов икона создана в XIV в.

¹⁷ Речь идет о его победе над Тодором Комниным при Клокотнице в 1230 г., после которой Болгария выходит на три моря – Черное, Белое и Адриатическое, превращаясь в одно из сильнейших государств на Балканах.

¹⁸ Народное понимание сумасшествия связано с представлением, что сумасшедший, (ненормальный) прежде всего, не осознает свою самоличность (считает себя кем-то другим – Наполеоном, Клеопатрой и пр.).

¹⁹ Эта интерпретация базируется на фундаментальной теории А. Ван Геннепа об “обрядовых переходах”, сопровождающих переход из одного социального статуса в другой индивидуумов и групп. Как известно, обряд перехода состоит из трех стадий – сепарации, маргинализации и агрегации (Van Gennep 1909). Переходы – природные, исторические, социальные и пр., очевидно присущи всему человеческому бытию, превращая теорию Ван Геннепа в универсальную (важно, что он работал и в области исследования понятия “граница” – Van Gennep 1995).

²⁰ Подробнее о “сумасшедших святых” см. Вълчинова 2005, а также Вълчинова 1999: 167–170. Свои анализы она основывает на фундаментальной работе Charuty 1997.

Подобные масштабные социальные катаклизмы, к сожалению, как правило сопутствуют “историческим переходам” – от политеизма к монотеизму, от традиционного к индустриальному обществу, от мультиэтнических империй к национальным государствам и т.д. Драматические противопоставления, которые нередко сопровождают и современные “переходы к демократии”, могут быть обозначены лексемой “конфликт”, которая объединяет выше указанные значения (смерть, страдание, пожар и пр. = безумие). Рассматриваемый в контексте идентичности “исторический конфликт” и его преодоление вписываются в семантическое поле перехода как один из вариантов маргинальной стадии – *идентификационный кризис, предшествующий новой идентичности*. Так возрастные, социальные, религиозные переходы индивидуума в рамках “своего”, сопровождаются драматическими *историческими переходами*, которые влияют на большие общности (социальные, этнические, религиозные, экономические и пр.), в которых “свое” встречается с “новым”, а финалом может быть как агрегация, так и маргинализация, сегрегация или эмиграция. Как и индивидуальные переходы, общностные связаны с передефинированием культурной, социальной, религиозной, национальной и пр. идентичности. Конфликт, создающий и определяющий союзников (друзей) и врагов, бесспорно стимулирует процессы идентификации – отождествление со “своими” и противопоставление “несвоим, чужим, врагам” всегда находится в его основе.

В этом контексте “Сумасшедшая Мария” приобретает более глубокие идентификационные доминанты, позволяющие рассматривать ее “полет” и чудеса как символический перевод интенсивных идентификационных процессов, порожденных кризисными историческими ситуациями, которые создают различные адаптационные и интеграционные стратегии. Исторические сублимации идентификационной активности, очевидно, связаны не только с национальной идентичностью и периодом современности – они сопровождают исторические кризисы, противопоставляющие “свое” и “чужое” в различные исторические периоды и в многообразии контекстов (социальных, религиозных и пр.).

“Переход” греческой общности из Османской империи в новое национальное государство – Болгарию, заканчивается благополучным приобщением. Поэтому полет иконы в несёбырских легендах не предлагает другую, тоже национальную, стратегию сохранения греческой идентичности: возвращение к этническим корням в новом независимом государстве – Греции. Несёбырская икона, как и греческая общность, остаются в независимой Болгарии²¹. Возможно, однако, что другая чудотворная икона улетела и увела с собой других черноморских греков. Сюжет, который, возможно, существует у болгарских греков – репатриантов в новых, основанных ими поселениях (Новый Ахелой, Новый Созополь и пр.) в Греции. Одна возможная проблема, которая заслуживает другого исследования²².

²¹ В этом контексте интересен текст об иконе Христа Пантократора в г. Поморие. Икона была украдена турками и сама приплыла обратно (после кораблекрушения, вызванного совершенным грехом, который застиг воров). – Сантова 2004. Благодарю проф. М. Сантову за любезно предоставленный мне неопубликованный материал.

²² См., например, чудесный “взлет” трех икон у депортированных нестинаров в Сибири (в советский период), который стимулирует поиск путей для возвращения в Крым. Георгиева 2002.

Литература

- Анастасова, Е. 1998: И на небето без софра не може. – Български фолклор, № 3, 37–42.
- Анастасова, Е. 2006: Митът за летящите икони. – В: Сантова, М., И. Станоева, М. Иванова. (съст.) Брегът, морето – Европа. С., АИ “М. Дринов” 157–164.
- Анастасова, Е., М. Маева (под печат): Гърците. – Кръстева, А. (съст.) Етническите общности в България. С., Кибеа.
- Баева, В. 2001: Разкази за чудеса (Локална традиция и личен опит). С., ДИОС.
- Вълчинова, Г. 1998: Гърци. – В: Кръстева, А. (съст.) Общности и идентичности в България. С., Петекстон, 207–220.
- Вълчинова, Г. 1999: За лудостта и светците. Giordana Charuty. Folie mariage et mort. Pratiques chrétiennes de la folie en Europe Occidentale. P., Seuil, 1997. – Българска етнология, № 3–4, 167–170.
- Вълчинова, Г. 2005: Светецът и трактовката на лудостта в традиционната култура. – Българска етнология, № 2, 5–17.
- Вълчинова, Г. (под печат): Летящата икона на Света Богородица от с. Конче, Радовишко. Поглед към символните медиации на иконата. – Българска етнология.
- Георгиева, А. 2002: Сънищата – послания от света на мъртвите (По материали от с. Брегово, Видинско). – В: Сантова, М., Ив. Станоева. (сост.) Регионални проучвания на българския фолклор. Т. 4. Северозападна България: общности, традиции, идентичност. С., АИ “Проф. М. Дринов”, 65–69.
- Георгиева, Ив. 2003: Нестинарството в Крим. – Българска етнология, № 2–3, 9–29.
- Иванов, В.В., В. Н. Топоров 1974: Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. Москва, Наука.
- Колева, Св. 2006: Чудотворните икони “Св. Богородица с младенца” и “Св. Марина” от църквата “Успение на Пресвета Богородица Панагия” в гр. Варна. – В: Миков, Л. (съст.) Култова архитектура и изкуство в Североизточна България (XV–XX в.). С., АИ “Проф. М. Дринов”, 167–174.
- Лидов 1989 – Лидов, А. М. Образ “Христа-архиерея” в иконографической программе Софии Охридской. – В: Вагнер, К. Г. (ред.) Византия и Русь. М., Наука, 65 – 89.
- Михайлов 1972 – Михайлов, Г. Траките. С., Държавно военно издателство.
- ППБЭС 1992 – Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1, 2. М., “Возрождение”, (репринт).
- Сантова 2004 – Сантова, М. АИФ I 254, с. 7.
- Хобсбом 1996 – Хобсбом, Е. Нации и национализъм от 1780 до днес. С., Обсидиан.
- Charuty 1997 – Charuty, G. Folie, mariage et mort. Pratiques chrétiennes de la folie en Europe Occidentale. P., Seuil.
- Van Gennep 1909 - Van Gennep, A. Les Rites de passage. P., Nourry.
- Van Gennep 1995 - Van Gennep, A. Traité comparatif des nationalités. P., C.T.H.S.

The Flying Icon – the Semantic and the Functions of one Legend

Ekaterina Anastasova

The article analyzes the story of the “flying” icons on the basis of materials from the Nessebar church of “The Assumption of the Holy Virgin.” The text is grounded on versions of a legend recorded by the author, which describe the miracles made by the icon of the Holy Virgin – the Black (Mad) Mary. The miracles comprise its “flying” to the Greek community in Nessebar in the times of the Ottoman domination and its role in diverse historical trials – from the attempts of forceful Islamizing to the community’s accession to the Bulgarian State after the Liberation of Bulgaria in 1878.

The text makes an overview of the major *topos* that outlines the legend of the “flying” icon in the context of the metaphoric “translation” of important historical events. The analysis of the icon’s “flight” and of its trajectory – from the Greek town of Megara (a metropolis that was founded in the eight century B.C., the ancient Messambria) to Messemvria (Nessebar’s name before 1878); the icon’s “active role” in critical situations (the city’s capturing by the Turks, the transition from the Greek to the Bulgarian Orthodox church, etc.); the “madness” as the main disease that the saint cures – all these permit making several important conclusions:

1. The “flight” of the icon is a metaphor of a transitional (marginal) historical moment.
2. The trajectory that it follows formulates a mythologeme of the Greek identity that served important functions for the ethnic Greek community at the time of the Ottoman domination, and later – during the creation of independent Balkan national states. In its base the legend is a classical example of an “invented tradition” and laid the bases of the modern Greek nationalism.
3. The “madness” as a metaphor also signifies transitional state and marginality – both in the framework of the life cycle in traditional culture, and in fundamental historical periods the demand the identity’s reformulation.

In such a way the legends of the “flying” icon of Nessebar appear as metaphorical readings of the intensive identification processes that have involved individuals and communities in transitional historical periods.

The text is prepared on the basis by literary and archival materials, as well as on personal field research of the author, carried out in 2004.